

Девочки (дневник матери)

Публикацию
подготовила
А. Раскина.

Продолжение.
Начало в № 8–10.

**Гале Кулаковской 8 лет 4 месяца,
Саше Раскиной 3 года 2 с половиной месяца.**

28 июля 45.

Читаю Саше книжку. Там стихи:
Очень любит наш Ванюша
Вишни, яблоки и груши.

И нарисован мальчик с яблоком в руках.

— А почему он не дает *мне*? — спрашивает Саша, улыбкой намекая на то, что понимает всю вздорность такого вопроса. Но с надеждой в голосе — чем чёрт не шутит? — вдруг бумажный мальчик раздобрится!

*

Галя укладывает Сашу спать, раздевает ее. Сашка пищит, хочет, бежит от нее по комнате. Самовлюбленно восклицает:

— И что я такая баловница!

Галя при этом проявляет неожиданную для меня начитанность:

— Ты, — говорит она, — как в «Обломове»: дрыгаешь ногами, не даешь ботинок снять.

Припоминаю: она зимой читала в какой-то хрестоматии отрывок «Сон Обломова».

*

Галя плохо подмела комнату, оставила много сору.

— Будет у тебя жених рябой, — говорю ей то, что говорили мне в таких случаях в детстве.

— А я никогда не женюсь, — отвечает она. — Все мужья злые, мне их не надо.

*

Галя:

— Мама, в каком классе будут объяснять, как дети рождаются? (Вот ведь какая проклятая проблема!)

31 июля 45.

Саша собирает малину, тщательно разыскивая только красные ягоды. Когда делится со мной (отколупывая какие-то микроскопические дольки), то восклицает со смесью тоски и восхищения:

— Ой, какая я не жадная, какая я не жадная!

Иногда, прежде чем поделиться, спрашивает с надеждой: «Мама, ты ведь не хочешь?»

30 августа 45.

Десять дней назад — 19 августа — Саша упала со второго этажа дачи в пролет лестницы. К счастью, вниз спустился Григо-

рий Давыдович Плинер, на фетровую шляпу которого и обрушилась Саша. Когда я выскочила на шум и крики в коридор, то в темноте нащупала Сашу на полу. Она лежала навзничь, раскинув ручки, и не кричала, а стонала. Я подняла ее, внесла в комнату — правый глазок у нее скосился, а личико было изжелта-бледное. Мы побежали к врачу. Он осмотрел Сашу, заставил ее пройтись, спросил, как все случилось.

— Я шла, — сказала она. — И упала. И было больно.

Глазок у нее стал на место, она перестала стонать, только выглядела очень усталой и хотела спать. Врач велел ждать — сутки решат, не будет ли мозговых явлений.

Мы ждали. Всё обошлось.

А упала она потому, что Шура в этот вечер привез ей новые ботиночки — они скользили. (*Все это знали, а проводить не могли. А. Б.*)

Когда Григорий Давыдович приехал снова, Саша предложила ему:

— Дядя Гриша, надень шляпу и иди по лестнице, а я опять на тебя упаду.

А между прочим, не спускайся дядя Гриша в тот час по лестнице, неизвестно, чем бы все кончилось.

*

Шура привез Саше игрушку.

— А Галечке? — спросила она тотчас же.

— Будете играть вместе, — ответил он.

— А Леночке? — спросила она опять.

*

— Папа, он не привез мне слона!

— Кто «он»?

— Ты.

2 сентября 45.

Берта Львовна говорит Саше:

— Вот и лето кончается... Как же мы будем с тобой друг без дружки?

— А я хочу с дружкой, — отвечает Саша.

*

Саша настаивает:

— Лена, давай играть: ты будешь немец, а я русская.

Лена не согласна. Саша возмущенно жалуется мне:

— Мама, ну скажи ей.

— Что же я ей скажу? Не хочет она быть немцем.

— А я хочу драться, я хочу кидать в нее кубики, пусть она будет немцем, а я буду русская!

*

Саша так вызывающе черна, что Кена зовет ее не Саша, а *Сажка*.

8 сентября 1945.

Приехали в гости Рая Облонская и Аня Штрих.

Саша рассказывает им:

— Папа Шура привез котят. Одного мне, а другого — больному мальчику Коле.

— Хороший у тебя папа, — замечают гости.

— Да, не жадный, — солидно соглашается Саша.

*

Саша бьет окружающих детей. При этом вопит так, как если бы колотили ее самое.

*

Саша говорит Валентине Николаевне:

— Этот медвежонок хочет тебе подариться!

10 октября 45. Ермолаевский, 27, кв. 5.

Галя осталась на Сретенке. Молчит, не протестует. [1]

24 октября 45.

Ата [2] принесла Саше в подарок «Сказку о глупом мышонке» Маршака. Сегодня Саша уселась за книжку и решила читать сама, долго пыталась начать и, наконец, ничего толком не вспомнив, сказала:

— Ну, в общем, кошка съела мышонка...

1 ноября.

Саша зовет частушки свистушками. Поет их охотно, не стесняясь.

*

Саша с упоением вещает:

— Одевают — не плачу! Раздевают — не плачу! Головку моют — не плачу! Кормят — не плачу! Лекарство дают — не плачу! Банки ставят — не плачу! Вот я какая!

4 ноября 45.

Шура допрашивает Сашу:

— Ты зачем ударила Милу?

— Я ее не ударила.

— Неправда, ты ее ударила.

— Я нечаянно ее ударила.

— Как это нечаянно?

— Я как дам ей... тихонько...

*

Шура ест простоквашу. Саша:

— Папа, помнишь, как ты ел простоквашу и оставлял мне, помнишь?

— Не помню! — угрюмо отвечает папа.

Но все же дает Саше простоквашу.

12 ноября 45.

Изо дня в день я рассказываю Саше примерно такую, более или менее правдивую историю:

«Жила-была мама Ата. Было у нее двое детей: старшего мальчика звали Тюша, а младшего Паша. Жили они на даче, и однажды мама Ата повела своих детей на пруд. Там она их искупала, а потом говорит: «Я сейчас поеду в город, а вы пойдите в сад, играйте там и качайтесь в гамаке. А на пруд без меня ходить не смейте». И вот мама уехала в Москву, а дети пошли в сад. Тюша был послушный и смиренно играл с песочком. А Паше захотелось на пруд, он взял да и пошел туда. Прыгал-прыгал на берегу, да *вдруг* как упадет в воду!

(Тут наступает момент, полный драматизма. Саша нервно притоптывает ножкой.)

Стал он барахтаться, плакать и *вдруг* видит: с одной стороны бежит к нему Бармалей и кричит: «Вот я возьму тебя, непослушного, к себе в мешок, будешь знать, как ходить на пруд без мамы». Паша заплакал, но *вдруг* услышал: «Не бойся, не бойся, я тебе помогу».

Смотрит Паша, а с другой стороны бежит ему на помощь Ваничка Розанов».

Все кончается благополучно: Ваничка добежал прежде Бармалея и вытащил Пашу. Но если Ваничка не появляется слишком долго, Саша, торопя меня, спрашивает: «Мама, а кто бежал с другой стороны?»

А иногда, желая, чтобы ей в неурочный час рассказали эту историю, Саша начинает допекать меня наводящими вопросами:

— Мама, когда Паша упал, то кто бежал с одной стороны?

А кто бежал с другой стороны? А что кричал Ваничка? А Бармалей что кричал?

Слушать может по двести пятьдесят раз на дню.

*

Была я сегодня у Гали. Она прочла «Таинственный сад» Бернет — автора «Лорда Фаунтлероя». Я тоже прочла — хорошо, по-моему. Рассказала Гале «Лорда» — так, как помнила его. Она слушала, затаив дыхание. Если б нашла, дала бы ей читать «Фаунтлероя», «Маленькую принцессу» той же Бернет, и «Маленькие женщины» Луизы Олькот, «Голубую цаплю» — не помню чью [3]. Хорошие были книжки.

Раза три назвала Галю Сашей. Она ничего не сказала, но взгляд у нее был строгий, укоризненный и взрослый. На днях она сказала Изе, приехавшему из армии в отпуск:

— Знаешь, обожди, пока я вырасту, я за тебя замуж пойду.

15 ноября 45.

Саша:

— У меня три сестры: Галя на Сретенке, Лена и Мила.

— Мама, ты почему скучная? Вот Леночка, скоро Мила придет из школы... [4]

19 ноября. Запись А. Б.

Саша запоминает абсолютно все и все прекрасно понимает. Вчера утром дети шумели и мешали мне спать. Я сказал ей, что она только обещает быть хорошей, но не выполняет обещания.

Саша. 16 марта 1945 г.

Сегодня утром я спал спокойно, Сашу не слышал. Когда проснулся, она зашла ко мне:

— Папа, можно?

— Можно.

— Я не кричала?

— Нет, сегодня ты молодец!

— Папа, я тихая?

— Тихая.

— Я хорошая?

— Да, ты очень хорошая.

Но этого ей все же было мало.

— Папа, а ты говорил: «Ты только говоришь — не буду! А сама будешь...»

Она решила, видно, получить признание по всем талантам. Я выдал ей таковое. Она была очень горда и довольна. Значит, целые сутки, со вчерашнего утра, она помнила мой упрек.

*

Уговариваю Сашу не кричать.

И вдруг:

— Если бы ты был Сашей, а я была... нет, был... нет, была папой, ты бы тоже кричал!

И хохочет в восторге от своей мудрости, находчивости и неотразимости. Она права, ничего не скажешь!

(А. Б.)

20 ноября 45.

Саша не любит отступать от традиций. Утром, когда я ее одеваю, она просит рассказать о девочке и мальчике, которые изображены на коврике. Когда ее причесывают, она требует повесть о Паше и Тюше. Во время гуляния я, обычно по ее просьбе, рассказываю ей о том, как заблудился Севочка Барон. Историю я измыслила, такого на самом деле не было. То есть Севочка-то существует, но он не заблуждался.

21 ноября 45.

Саша не любит острых коллизий. Вот, например, на коврике, что висит над ее кроватью, изображены плачущая девочка и мальчик, довольно равнодушно на нее смотрящий. Я утверждаю, что это брат и сестра. Мама принесла им яблоко, велела поделиться, а мальчик съел яблоко сам. Вот сестра и плачет.

— Нет! — кричит Саша. — Он спрятал яблочко, он просто пошутил! Он не съел, он спрятал! Зачем она плачет?

Коврик этот был подарен тетей Ниной 26 марта 37 г. в день рождения Галки.

*

Саша колотит Лену. Много раз говорили ей: у Лены болит нога, не смей трогать Лену. А она покается, а потом нет-нет, да и хлопнет опять, и именно по ноге. И откуда такая подлость?

22 ноября 45.

Я:

— Разве это хорошо, что ты ударила Лену?

Саша:

— Разве это хорошо, что Вова ударил Вадика?

Я:

— Нет, ты скажи, разве хорошо, что ты Лену ударила?

Саша:

— А разве это не хорошо, что я Галю *не* ударила?

Так и не дала прямого ответа и все упирала на то, что она *не* ударила Галю, *не* ударила Милу и т. д. Подлый младенец все же.

*

— Мама, почему *тетя* Женя Пастернак и *дядя* Женя Пастернак? [5] — спрашивает Саша, лежа в постели, после долгого молчания. Видимо, напряженно размышляла об этом.

23 ноября 45.

Саше 3 с половиной года.

Знает все буквы, кроме мягкого знака и Э. Знает Ё, но Е путает с Ш. Иногда путает И с М и Т с Г. В остальном тверда. Запоминает с первого раза. Почти вундеркинд.

Хорошо строит из кубиков домики. Эти кубики наше спасение — Саша часами возится с ними, напевая убогие Шурины стихи:

Наша Саша строит дом
Строит дом она с трудом.
Вот построила она
Три стены и два окна.
Кубики зеленые —
Кубики дареные!
Кубики синие —
Кубики красивые!
Кубики красные —
Кубики прекрасные!

Есть еще желтые кубики, но к ним папа рифмы не придумал, сколько ни старался.

*

Сегодня я была у Гали. Спросила про отметки.

— Троечки! — ответила она лукаво.

— Это жаль. Покажи тетрадки.

— Сейчас покажу. Вот смотри — одна троечка, другая, третья... Смеется: там не тройки, а четверки.

Была очень довольна. Она. И я.

Скучает без Саши. Когда приходит сюда, бывает с ней очень нежна.

*

Забыла рассказать о том, как Галя встретилась с Эддой. Обе летом мечтали об этой встрече. У нас только и разговоров было: — Мама, когда же мы пойдем к Эдде?

Когда переехали с дачи в Москву, первый визит был к Эдде (которая, кстати, поступила в 1-й класс Галиной школы). Приходим. Мы с Норой ждали, что они кинутся друг другу в объятия. Ничуть не бывало. Остановились. Неловко поздоровались. Сели. Каждая взяла в руки книгу и принялась читать. Так и читали все время, пока мы с Норой разговаривали, исподтишка наблюдая эту странную встречу. Потом так же церемонно простились. «Эстетика сдержанности», как говаривала в своих лекциях Евгения Львовна Гальперина.

25 ноября 45.

Я Гале рассказала, как Саша вместо прямого ответа («Почему Лену ударила?») перечисляла всех, кого она не ударила. Галя засмеялась и сказала: «Какая наглая!»

28 ноября 45.

Построив что-нибудь из кубиков, Саша кричит: «Мама, у тебя есть дом! У тебя есть дача! У тебя есть кровать!» — в зависимости от того, что построено.

*

Галя сегодня позвонила мне на работу и сказала только: — Скучно, скучно, скучно без тебя! Скучно, скучно, скучно без Саши!

И положила трубку.

Придя в воскресенье и не застав Саши, сказала строго: — Я прошу тебя очень, по воскресеньям Сашу никуда не отсылать, потому что я могу прийти в любое время...

*

Галя читает «Гулливер у лилипутов». Недавно прочла «Записки» Дурова. Читает сама. Читает много и с удовольствием.

*

Саша декламирует:

Лев Толстой нас учит ложно
Не влюбляться никогда.
Да, в его года возможно,
Но не в наши, господа!

Каюсь, выучила я. Напрасно, конечно, но очень уж забавно.

9 декабря 45.

Саша говорит: «Честное ленинское!» (Наверное, переняла у Милы.) Вместо «редакция» — «редацкая».

Галя говорит:

— Я прямо изнывала от нетерпения.

Вчера были на дне рождения у Паши. Девочки вели себя более или менее достойно. Но играли все порознь — Галя, Саша, Паша, Тюша — каждый был занят чем-то своим.

Утром первыми словами Саши было:

— Мама, я хочу к Паше!

Саше мальчики понравились, она говорит о них подобострастно.

Галя отнеслась к новым знакомым более критически:

— Много кричат, — сказала она. — А до игрушек своих дотронуться не дают.

Однако вчера долго не хотела уходить оттуда. Значит, тоже понравилось.

10 декабря 45.

За первую четверть у Галки были такие отметки: чтение — 5, арифметика, русский язык — 4, чистописание — 3. На днях, сядя за столом, сказала с улыбкой:

— Я умею учиться на «отлично», только мне неохота.

*

Галя:

— Мама, твоя Саша довольно скупая дама: делилась со мной шоколадом и дала мне крошечную дольку.

Портрет Ф. А. Вигдоровой
работы Е. В. Пастернак.
Масло. Начало 1940-х.

*

Мама Соня рассказывает, как у нее едва не стащили сумку. Галя, глубокомысленно:

— Просто тебе попался неопытный вор.

14 декабря 1945.

Саша:

— Папа, как зовут доктора?

— Доктор Гуревич.

— Я лучше буду звать его Гулливер.

*

Мы все сидели за столом на Сретенке, и каждый был занят своим делом. Галя перечитывала «Хижину дяди Тома». Вдруг она вскочила и, плача, крикнула:

— Я не могу больше читать!

Все всполошились, стали спрашивать, что случилось. Галя не отвечала и продолжала плакать. Я догадалась заглянуть в книгу: она была открыта на странице, где рассказывалось, как, после смерти Сен-Клера, Том узнает, что его продадут.

Оправившись, она стала мне объяснять, что «Это всё противная Марья виновата», имея в виду жену Сен-Клера — Мари.

18 декабря 45.

Некто Б., по профессии литературный критик, с профессиональной жестокостью излагал сегодня свою теорию воспитания малолетних.

— Моему сыну 6 с половиной лет, — говорил он. — Это чудесный парень. Однако я практикую регулярно следующие меры воздействия: малая ушедралка, большая ушедралка, порка обыкновенная, порка большая и порка по высшей категории — ремнем. Все это я практикую регулярно по четным и нечетным числам. Иначе погибнет мой сын, моя жена, я сам и все соседи, а дом наш рухнет.

Все это Саша слышала, но притворилась, что не понимает. Боюсь, что наш дом рухнет.

21 декабря 45.

Серьезно болен папа Аба. Я много времени провожу на Сретенке. И вижу всякое такое, что очень меня огорчает, мучает и пугает. Вот, например, слышу из соседней комнаты:

— Галочка, — говорит папа, — принеси мне, пожалуйста, из кухни мою чашку.

— Я читаю, — отвечает Галя.

Я была готова побить ее за это. Бить не била, однако, сказала все, что думала по этому поводу. Но я никогда не могу понять — дошло ли до нее. Лицо у нее было огорченное. Не оправдывалась.

22 декабря 45.

У Галки в дневнике за поведение — 5 с минусом. Она объясняет с улыбкой — довольно циничной:

— Это потому, что я болтаю...

Вот за это я сердиться на нее не в состоянии. Могу понять.

29 декабря 45.

«Мой милый, хороший,
Пришли мне калоши
И мне, и жене, и Тотоше», — декламирует Саша.
— А кто это — жена? — спрашиваю я.
— Это ты, — отвечает Саша.
— А кто мой муж?
— Папа Шура.
— А кто муж мамы Сони?
— Папа Аба.
— А кто муж тети Берты?
— Дядя Боря.
Все верно. Тогда я спрашиваю:
— А кто муж Кены? [б]
— Тетя Ира! — отвечает Саша.

7 января 1946 г. Москва.

Новый год начался скверно: Галка захворала дифтеритом, и сегодня ее отправили в больницу. Форма, к счастью, легкая. Уезжала она охотно и весело, так как любит все новое. Расспрашивала: какие там девочки, весело ли будет в больнице? Считала минуты, которые оставались до приезда машины.

Вливание перенесла мужественно, даже не вскрикнула, так как мама Соня предупредила ее, что папе Абе вредно волноваться и огорчаться.

Очень боимся за Сашу: 4-го января мы с Сашей пошли на Сретенку навеситить больного папу Абу. Галя и Саша были очень рады встрече, обнимали друг друга, вместе играли. А вечером оказалось, что температура у Гали повышена.

На обратном пути со Сретенки на Ермолаевский Саша изложила мне свои политические убеждения:

— Когда я пойду в школу, — сказала она, — то буду учить французский, английский и русский. А немецкий не буду. Немцы все очень плохие. Гитлер («Гитрер», иногда «Гитрель») очень плохой, хуже Бармалея. Я его боюсь. Если он будет к нам стучаться, ты ему не открывай. Если будет говорить тоненьким голоском, тоже не открывай. Немцы плохие, страшные и не любят хороших девочек.

*

Про себя Саша говорит:

— Я просто хорошая девочка Саша.

*

— Мама, ты меня любишь до слез или безумно?

17 января 46.

Галя уже вернулась из больницы. Миновал карантин и для Сашки: она не заболела. Я пока нахожусь на Сретенке, так как ухитрилась заболеть тут воспалением легких. Пришла навеситить папу и Галю, помочь маме в уходе за больными и свалилась сама.

Галя веселая, хорошая, каждый день готовит уроки, которые приносит ей школьная подружка.

Галка много читает. Сегодня я услышала из ее комнаты страшный лающий кашель.

— Что с тобой? — спрашиваю я испуганно.

— Тут в книжке сказано, — пояснила она, — что «кашель соседа походил на собачий лай», — вот я и хочу попробовать, как это получается.

*

Был у нас еще один любопытный разговор.

— Мама, — сказала она. — Я не могу понять, хороший был Колумб или плохой? И его жена — хорошая или плохая? (Галка прочла О. Гурьян «Христофор Колумб».)

— А почему ты сомневаешься?

— Ну, конечно, Колумб храбрый, мужественный, — ответила Галя, — но вот он был очень груб с матросами. Или вот его жена. Когда он ей сказал, что хочет перерезать море Тьмы, она ему запретила. А когда он согласился не ехать, она закричала на него и даже *упрекнула в трусости*. (!)

Это был сложный разговор. Я довольно коряво объяснила, что это только в сказках одни — очень хорошие, а другие — очень плохие. А в жизни, дескать, не так. И даже у Колумба были свои

недостатки. А потом подумала, что не в этом дело. Бедняге приходилось так худо, что в его положении любой бы стал грубить матросам.

*

Саша очаровательно разговаривает по телефону. Сегодня подробно доложила мне, как живет без меня, как скучает.

Саша дружит с Леной и замучивает ее до потери сознания своей нудной просьбой: «Почитай, почитай!..»

18 января 46. Ермолаевский.

Сегодня я вернулась на Ермолаевский. Саша встретила меня целой серией молчаливых глубоких вздохов. А Галя провожала плачем. Может быть, это объяснялось тем, что я не успела дочитать ей отрывок из «Странствия во мраке» Мартина Флавиана. Я прочла ей главу «Ему было всего 9 лет и ему очень нужны были санки». Она превосходно понимала, слушала с наслаждением. А когда я начала читать о велосипеде, за мной приехал Шура и пришлось чтение прервать.

Я было хотела объяснить ей, что означает слово «шериф», но она торопливо сказала:

— Читай, читай. Я знаю, это *милиционер*.

24 января 46.

Саша:

— Мама, ведь я не слушаюсь, почему же ты меня целуешь?

— Я знаю, что делают волки с плохими девочками: они их бьют и терзают...

— Суп — изумительный!

*

Саше купили воздушный шар. Проснувшись на следующее утро, Саша чуть не расплакалась, потому что большой шар превратился в маленький, с кулак величиной.

— Что ты с ним сделала? — воскликнула она с возмущением.

— Он просто похудел! — ответила я.

На днях Ян Сашин принес Саше шоколадку. Я дала ей кусочек, остальное положила в ящик. Вечером, когда Саша уснула, я несколько раз приложила к шоколаду сама, да еще угостила Шуру. Утром Саша первым делом помчалась к ящику. У меня сердце замерло. Но взглянув на шоколад, Саша сказала вполне добродушным тоном:

— Мама, посмотри, шоколадка похудела...

27 января 46.

Галя поет Саше (невероятно перевирая мотив):

— Рыбки уснули в пруду-у-у...

— Почему в пруду? Лучше бы они спали на песочке, — возражает Саша.

*

Галя говорит:

— Лену я люблю, она хорошая. А Милу не люблю и играть с ней не буду.

— Почему? Чем же она тебе не нравится?

— Она неправдивая. Подлиза. И надоеда.

Этот разговор мы продолжим. Интересно мне, что она имеет в виду.

18 февраля 46.

Саше 3 года 9 месяцев, Галке — 8 лет 11 месяцев.

Саша, оправившись от гриппа, говорит о себе:

— Сейчас я встану на свои слабые ножки.

*

— Саша, кому идти в аптеку за лекарством: мне или папе?

— Ты иди.

Я уязвлена:

— Почему же не папе?

— Он — долго... — отвечает Саша.

Очень наблюдательный ребенок.

*

Саша:

— Сейчас я построю домик, мама посмотрит и скажет: «Какая прелесть!»

Александр Иосифович Кулаковский,
Галин «папа Шура» (1912–1942).

19 февраля 46.

Мама рассказала мне, что Галя вернулась сегодня из школы заплаканная. Объяснила: «Мы пели песню “Отцы вернулись к нам домой”. А я петь не хотела. Только шевелила губами. Зачем я буду петь “отцы вернулись”, если мой папа не вернулся».

Это странно. Мне кажется, она почти не помнит Шуру, почти никогда о нем не спрашивает, и мне кажется, она не понимает своей потери. Но, видимо, это не так. Я иногда рассказываю ей о том, каким был Шура в детстве. Она слушает жадно. Но сама не спрашивает. Как-то спросила, правда:

— А папа Шура хорошо учился, когда был маленький?

И еще:

— Папа Шура любил играть со мной?

21 февраля 46.

Вчера, вернувшись с работы, я была ошеломлена известиями о том, как вела себя Саша: она мешала Шуру работать, проткнула карандашом лимон, облила супом телефон (всё нарочно), кидала мяч на стол и в зеркало, стучала чем ни попадя по Милиной чернильнице и т. д.

— Я тебя не люблю, — сказала я.

Она покорно удалилась.

— Саша! — крикнула я некоторое время спустя, собравшись укладывать ее спать. Она мигом примчалась:

— Ты меня уже любишь?

22 февраля 46.

Саша сказала только что:

— Мама, если мне позвонят, скажи: «Сашенька устала, она прилегла, позвоните позже». Или: «Она встанет — сама вам позвонит».

23 февраля 46.

Я щекотала Сашку, щипала щечки, дергала за уши. Она все терпела со снисходительной улыбкой, а потом произнесла горделиво:

— Как мама меня любит!

Вчера долго гладила меня обеими ручками по лицу. А потом спросила:

— Приятно?..

*

Саша поет:

— Ольбульбэли — опупели! Ольбульбэли — опупели!

— Саша, что такое ольбульбэли?

— Это такое платице! (?!)

*

Я рассказала Саше своими словами сказку о золотой рыбке («... А старуха говорит: попроси у рыбки отдельную квартиру с газом, новые туфли, шапку-кубанку и много пододеяльников...»). Эффект неожиданный: Саше жалко старуху:

— Зачем у нее всё отняли?

— Жадная она, понимаешь — жадная! — говорю я. — Чего же ее жалеть?

— Все равно жалко! — отвечает Саша.

*

Саша сказала кому-то: «Не ври! Ты врешь!»

Шура объяснил ей, что надо говорить не «врешь», а «ошибаешься».

Сегодня я сказала Саше:

— Не сбрасывай с себя одеяло.

Она ответила:

— Я не сбрасываю, не ошибайся, пожалуйста.

При этом вежливое «не ошибайся» звучит у нее совсем так же, как и «не ври».

*

Я принесла от дяди Бори Зутга в подарок Саше целлулоидного пупса. Все сказали: «Какой чудесный! Где это Борису Борисовичу удалось *поймать* такого?»

Саша с удивлением:

— А разве они бегают по улицам? Ведь они же голые!

27 февраля 46.

Всё, что мы ей говорим, она возвращает нам сполна:

— Мама, сейчас же подай мне кубик!

Или:

— Папа, ты в своем уме? Ты разрушил мой домик, все кубики упали!

И так далее.

Когда Шура ее шлепает (а только он и шлепает), она призывает на помощь все свое самообладание, только бы не заплакать: отворачивается, строит равнодушное лицо, говорит что-нибудь, не идущее к делу: «Какой у кошки хвост пушистый».

*

Шура:

— Саша, извинись передо мной!

Саша:

— Я устала...

(Продолжение следует)

[1] В октябре 1945 г. семья переехала со «Сретенки» (на самом деле квартира была на Сретенском бульваре) на Ермолаевский переулок, тоже в коммунальную квартиру. Галя осталась до конца учебного года с бабушкой и дедушкой на Сретенке, следующим летом на даче «воссоединилась» с семьей и в новую школу в сентябре 1946 г. пошла уже на Ермолаевском.

[2] Писательница Наталья Викторовна Соколова (Типот).

[3] Сесилия Джэмисон, «Леди Джэн, или Голубая цапля». Сейчас все эти книги переизданы.

[4] Знакомые ещё по Ташкенту и соседи по даче, Берта Львовна с мужем («дядей Борей»), с девочками Леной и Милой (и котом Маркизом!) жили целый год на Ермолаевском у Фриды Абрамовны — в одной из двух комнат, так как во время эвакуации у них отобрали московскую квартиру, и им нигде было жить.

[5] С художницей Евгенией Владимировной Пастернак, первой женой поэта, и их сыном Евгением Борисовичем Ф. А. познакомилась и подружилась в эвакуации в Ташкенте. Дружба продолжалась и в Москве.

[6] Кена Иосифовна была тогда не замужем. «Тетья Ира» — ее близкая подруга.